

Н.С. Бондарь

ПО КАКОЙ КОНСТИТУЦИИ ЖИВЕТ РОССИЯ: ПРОШЛОГО ИЛИ НЫНЕШНЕГО, XXI ВЕКА?

Аннотация. В статье предложен авторский подход к оценке стабильности и динамизма Конституции, обеспечению ее устойчивого развития в условиях изменяющегося социально-исторического контекста. Решающим условием стабильности Конституции признается ее социокультурный динамизм, достигаемый через последовательное не текстуальное преобразование Конституции в практике Конституционного Суда РФ. В соответствии с этим конституционное правосудие рассматривается как генератор качественно нового уровня развития «живого» (судебного) конституционализма.

Ключевые слова: конституция, социальная диагностика конституции, стабильность и развитие конституции, конституционное правосудие, судебный конституционализм.

Содержащийся в названии статьи вопрос – отнюдь не риторический. В конечном счете, он затрагивает глубинные характеристики конституции не только как юридического акта, основного закона общества и государства, но и как уникального социокультурного явления современной эпохи, показателя достигнутого уровня свободы и демократии, социально-политического, экономического, культурного развития общества. В этом плане поиск ответа на поставленный вопрос предполагает, прежде всего, оценку действующей Конституции России 1993 г. на предмет ее соответствия современным условиям развития российского общества и решение вопроса о том, что поставить во главу угла конституционного развития России: обеспечение стабильности, незабываемости Конституции или же внесение поправок и даже – ее пересмотр, признав несоответствие юридической Конституции современным условиям реальной действительности?

1. Социальная диагностика Конституции как методологическая основа оценки ее реальности.

Известно, что всякая болезнь, прежде чем ее лечить, нуждается в диагностике. Для конституции как юридического акта одна из естественных («историко-возрастных») болезней – «старение» основного закона в соотношении с развивающимися реальными общественными отношениями, расхождение с фактической конституцией общества и государства, что неизбежно порождает вопросы внесения поправок, изменения текста конституции, которые, в свою очередь, не могут решаться без учета обеспечения стабильности, нерушимости основного закона.

В связи с этим представляет очевидную актуальность задача формирования методологии исследования национальных конституционных моделей в соотношении с изменяющейся социально-политической, экономической, социокультурной действительностью

общества и государства, что предполагает создание относительно нового для юридической науки *инструментария социальной диагностики конституции*. В связи с этим уместно напомнить о сформулированной Председателем Конституционного Суда Армении Г.Г. Арутюняном идее *конституционной диагностики*, которая имеет судебно-конституционную, нормоконтрольную направленность и реализуется при оценке на соответствие конституции как законов, так и реальных общественных отношений, политической практики¹. Что же касается социальной диагностики самой по себе конституции, то в данном случае речь идет о специфическом процессе выявления социальной эффективности, действенности конституции в конкретно-исторических условиях ее действия, адекватности данного документа фактически складывающейся общественной практике (в широком смысле этого понятия).

Что же является главным показателем соответствия Конституции (имея в виду, в том числе Основной закон России) требованиям реальных условий развития общества и государства, неизбежно меняющихся после принятия Основного закона и естественным образом опережающих его текст? Если эти изменения социального, политического характера требуют конституционно-правовых изменений, это должны быть изменения собственно текста Конституции или же сама природа этого документа может (и должна!?) содержать имманентно присущие ей некие точки роста, механизмы саморазвития?

20-летний юбилей Российской Конституции заметно актуализировал обсуждение соответствующих проблем, включая вопросы, связанные с оценкой того,

¹ Арутюнян Г.А. Роль конституционной диагностики в обеспечении устойчивости общественного развития // Конституционное правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2010. Вып. 4. С. 30–31.

насколько соответствует Конституция РФ 1993 г. сегодняшним условиям социально-экономического, политического развития общества? Может ли она в данном виде эффективно выполнять свое назначение Основного закона общества и государства или же ее текст следует «обновить», «трансформировать», «привести в соответствие» с сегодняшними реалиями нашего развития? На этот счет высказываются самые различные мнения. В рамках развернувшейся дискуссии, с одной стороны, отстаивается тезис о незыблемости Конституции, в особенности тех ее положений, которые определяют основы конституционного строя, а также права и свободы человека и гражданина². С другой стороны, имеется немало «трансформаторов» текста Конституции: как умеренных, предлагающих внести определенные поправки, так и радикальных, которые определенно считают, что наиболее целесообразным вариантом является осуществление глубокой конституционной реформы и, в конечном счете, разработка и принятие новой Конституции³.

На этом фоне представляется весьма актуальным ответить на «простые» вопросы: *по какой Конституции мы живем сегодня? Это прежняя, существующая*

² См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 г. // Российская газета. 2013. 13 декабря; выступление Председателя Государственной Думы С.Е.Нарышкина на торжественном заседании палат Федерального Собрания и Совета законодателей Российской Федерации, посвященном 20-летию Конституции и парламента России // <http://www.duma.gov.ru/news/274/510827/>; Нарышкин С.Е. Конституция как идея // Российская газета. 2013. 10 апреля; Зорькин В.Д. Россия должна взять правовой барьер: к двадцатилетию Конституции Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 6; Шахрай С.М. О Конституции: Основной Закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований. М.: Наука, 2013.

³ См., например: Авакьян С.А. Нужна ли конституционная реформа в России? // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 9; Авакьян С.А. Проекты законов о поправках к Конституции Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 2; Боброва Н.А. 20 лет и 20 недостатков Конституции России // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 3; Бутусова Н.В. О модернизации российской Конституции (цели, задачи, пути осуществления) // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 1; Дмитриев Ю.А. Можно ли повысить демократический потенциал действующей Конституции Российской Федерации? // Государство и право. 2013. № 12; Троицкая А.А. Круглый стол «20 лет Конституции РФ: вопросы эффективности и перспективного реформирования» // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 7. На этом общем фоне выделяется позиция, предполагающая необходимость реформирования Конституции путем ее дополнения новыми главами, высказанная группой экспертов под руководством одного из активных участников конституционного процесса 1993 г. О.Г. Румянцева (См.: Потенциал развития Конституции: пути конституционной модернизации Российской Федерации. М.: Фонд конституционных реформ, 2013).

в неизменном виде, Конституция 1993 года, принятая в условиях глубокого противостояния, в том числе военного, когда общество было в шаге от гражданской войны, или это Конституция России XXI века, Основной закон общества, устремленного в будущее, поставившего – и уже сегодня решающего – задачи модернизации социальной, экономической, политической, правовой жизни? В связи с этим – действительно ли действующая Конституция России не отвечает сегодняшним условиям развития общества и государства?

Ответы на эти вопросы необходимо формулировать, конечно, исключительно на юридическом языке. Но при этом нельзя не учитывать, что сама по себе ориентация на юридическую лексику и на правовые оценки отнюдь не тождественна формально-юридическому подходу к анализу конституции. Конституция – явление конкретно-историческое, социокультурное, национально-специфическое. Поэтому некая универсальная модель конституции, если бы она была составлена для всех или, по крайней мере, большинства народов, была бы не нужна ни одному.

В этом плане для уяснения степени соответствия ранее принятой юридической конституции новым условиям социальной действительности, оценки внутренних (а не только формально-юридических) механизмов модернизации Конституции важно уяснить глубинные, сущностные характеристики этого уникального социально-правового явления. Не подвергая сомнению различные, ранее высказывавшиеся соображения о сущности данного документа, представляется важным учитывать, что глубинная природа Конституции как политико-правового явления, призванного отражать важнейшие характеристики общества, государства и личности в их соотношении и взаимосвязях, предопределяет необходимость восприятия этого явления во всей его многоплановости и противоречивости, когда сущность Конституции раскрывается посредством реальных общественных отношений, коренится в сложившемся соотношении социальных сил как носителей конституционно значимых для общества политических интересов, социальных ценностей, идеалов и целей. Поскольку эти отношения определяются политической конкуренцией, борьбой (и не только в рамках избирательных, парламентских процедур), основное предназначение Конституции состоит в обеспечении согласованного взаимодействия, достижении баланса интересов посредством установления адекватного общественной практике и эффективного механизма разрешения возникающих в обществе социальных, политических, экономических противоречий.

В этом плане именно социальные противоречия лежат в основе сущностных характеристик Конституции, отражающих, в конечном счете, ее социокультурные ценностные начала. В соответствии с этим

важно учитывать, что глубинная природа Конституции и ее социальная диагностика как политико-правового явления, призванного отражать важнейшие характеристики общества, государства и личности в их соотношении и взаимосвязях, предопределяет необходимость оценки конституционных явлений во всей их многогранности и противоречивости, когда сама сущность Конституции может рассматриваться как: *во-первых, порождение* глубинных социальных, экономических, политических противоречий, сложившихся на момент ее разработки и принятия; *во-вторых, отражение* и, в какой-то мере, позитивное закрепление, признание этих противоречий как неизбежных, требующих своего разрешения; *в-третьих, закрепление* на высшем уровне юридических механизмов преодоления соответствующих противоречий, конфликтов и коллизий, нормативно-правовое моделирование развития общества и государства в соответствии с провозглашенными конституционными целями, признаваемыми ценностями и идеалами⁴.

Соответственно и сама по себе модернизация юридической конституции, ее приведение в соответствие с изменяющейся социальной действительностью определяются, в конечном счете, потребностями обеспечения наиболее полных условий для отражения на конституционном уровне противоречий современного общества и государства и обеспечения эффективных конституционно-правовых механизмов их преодоления. Это тем более важно, имея в виду, что, получив более двух веков назад формально-юридическое признание в первых конституциях ценности парламентаризма, разделения властей, как и «вечные», «священные» ценности свободы, равенства, справедливости, прав частной собственности, неприкосновенности личности, других прав человека и гражданина не остаются неизменными.

Изменение, развитие конституций и закрепляемых в них, в том числе казавшихся на определенном этапе истории «вечными», истин, нормативно-правовых аксиом является, таким образом, закономерным процессом. Вопрос, однако, в том, каковы пределы не только динамизма, но и незыблемости, стабильности конституции.

Тем более это касается России, действующая Конституция которой принималась в столь сложных исто-

рических условиях, и она насчитывает не 200, а «всего лишь» два десятка лет. Но слова «всего лишь» заковычены не случайно; очевидно, что после принятия Конституции 1993 г. Россия, совершив переход от одного конституционного строя к другому, прошла исторический путь, равный – в традиционном историко-временном восприятии – не одной сотне лет. С учетом этих обстоятельств как раз и необходимо искать ответы на поставленные в статье вопросы.

Для меня они очевидны: приняв Основной закон два десятилетия назад и заложив в его Букву и Дух (!) национально-генетический код социокультурного облика многонационального общества и государства, Конституция РФ содержит *нормативно-правовую энергию своего собственного развития, преобразования и «взросления»* как уникального политико-правового явления, призванного обеспечивать на длительную перспективу юридические, равно как и нравственные, императивы общества, государства, личности. Поэтому есть все основания исходить из того, что *сегодня Россия находится в конституционно-правовой системе координат XXI века, живет по Конституции не вчерашнего дня, а сегодняшнего завтра.*

В доктринальном плане это означает, что, возможно, одним из главных достоинств Конституции России, принятой в крайне сложных условиях 1993 года, явилось сочетание в ней стабильности и динамизма, единство буквы и духа Конституции.

2. Стабильность Конституции – в ее социокультурном динамизме.

Парадокс данного утверждения, вынесенного в подзаголовок, очевиден. Ведь при исследовании соответствующей проблемы первое, на что, как правило, обращается внимание, это то, что стабильность и динамизм – качества, во многом взаимоисключающие. В этом убеждают, по крайней мере, требования формальной логики: стабильность текста отождествляется с его неизменностью, а динамизм, напротив, связывается с переменами, возможностью обновления. При этом, оценивая уровень и критерии *стабильности*, в качестве едва ли не определяющего фактора называются юридические характеристики конституции (включая Конституцию РФ), касающиеся усложненного порядка внесения в нее поправок и пересмотра; это позволяет отнести, в том числе и наш Основной закон к так называемым «жестким» Конституциям (наподобие, например, Конституции США). Что же касается *динамизма*, то здесь тоже все «предельно очевидно»: с развитием общества и государства неизбежно возникает необходимость во внесении изменений в текст конституции, несмотря на повышенные гарантии ее стабильности. В связи с этим модернизация конститу-

⁴ При этом Конституция РФ закрепляет – хотя бы попутно отметим – как универсальные механизмы разрешения социальных противоречий (например, принцип разделения властей, причем как по горизонтали, так и по вертикали; сочетание конституционных начал правового государства с принципами социальной государственности; и т.д.), так и специальные институты, особое место среди которых занимает конституционное правосудие.

ции нередко прямо отождествляется с обновлением ее текста. Соответственно в русле этой логики лежит утверждение о том, что якобы только фиктивная конституция может в течение длительного периода времени оставаться формально неизменной, тогда как реально действующая конституция подвержена изменениям в среднем каждые 15–20 лет⁵.

Насколько верным можно считать такое видение соотношения стабильности и динамизма Основного закона? Нет, конечно, оснований сомневаться в том, что нерушимость конституции достигается, в том числе с помощью специальных процедур, ограничивающих конъюнктурные изменения конституционного текста; но основная проблема сводится к той оптимальной мере, которая определяет стабильность, нерушимость или, наоборот, динамичность Основного закона. Поэтому даже при всей осторожности, которая может проявляться по отношению к не текстуальному (в частности, интерпретационному) способу развития, модификации Конституции, вряд ли можно отрицать, что принципиально значимой с точки зрения целей эффективного конституционного регулирования является прежде всего устойчивость сущностных характеристик конституционного строя, связывающих всю конституционно-правовую систему единством исходных ценностно-нормативных оснований.

Исследование соответствующих вопросов предполагает, в конечном счете, уяснение не только юридических, но прежде всего социально-политических, социокультурных предпосылок и условий соотношения стабильности и динамизма современных конституций.

Что касается, в частности, динамизма Конституции России, то сегодня, на основе 20-летнего опыта ее реализации, можно со всей определенностью констатировать, что речь должна идти как о формально-юридических, так и социальных факторах развития, *социокультурном динамизме*. В этом плане динамизм Конституции необходимо связывать прежде всего с ее Духом, т.е. скрытыми от внешнего восприятия, во многом сакральными свойствами и характеристиками Основного закона. Важно подчеркнуть, что явление духа Конституции – это вопрос не политики (хотя, надо признать, именно политический подход является традиционным при одном упоминании о дихотомии «буква – дух» Конституции), а, прежде всего, проблема социокультурных основ данного документа. Исследование духовных начал Конституции как явления социальной жизни предполагает необходимость использования весьма тонкого методологического инструментария как средства достижения не только

научно аргументированных *знаний* о глубинных, сущностных характеристиках этого явления, но и особого психологического восприятия данного документа на основе *веры* в истинность, социальную и правовую ценность закрепленных в Конституции положений. Именно вера и основанное на ней доверие представляют собой форму отражения скрытых от внешнего восприятия, сакральных характеристик Конституции, которые во многом отражают, в том числе, степень ее реальности и эффективность действия.

При всей многоплановости способов выражения и, в конечном счете, материализации духа Конституции принципиальное значение имеет – применительно, в частности, к Основному закону России – наличие четкого конституционно-правового механизма воплощения духа Конституции как в самом по себе тексте, так и в категориально-понятийном аппарате конституционного права. Этому служат поистине сакральные по своим нормативным характеристикам категории конституционного права, составляющие, своего рода, иерархическую нормативно-категориальную систему. Это, *во-первых*, конституционные ценности, представляющие собой наиболее высокий уровень, концентрированную форму воплощения духа Конституции; *во-вторых*, конституционные принципы; *в-третьих*, конституционные основы (начала), наконец, *в-четвертых*, конституционные аксиомы, презумпции.

Эти категории, при всех очевидных различиях и весьма существенной специфике каждой в отдельности, могут быть объединены, выстроены в один категориальный ряд – применительно к отражению в них духа Конституции – благодаря неким общим характеристикам, в основе которых лежит: а) высокий удельный вес в них нравственных, гуманистических начал и б) повышенный уровень нормативности. Тем самым по своей внутренней природе они могут быть представлены не только как доктринальные понятия, но и категории действующего конституционного права. Обладая предельно высоким уровнем нормативного обобщения, они позволяют обнаружить («снять») в сфере правового регулирования некий идеализированный слепок (модель) конституционных перспектив общественного и государственного развития. Одновременно как метаюридическая форма выражения нравственных, социокультурных начал они наполнены повышенной концентрацией нормативной (конституционно значимой) энергии, ориентированной на законодателя и правоприменителя, включая все отрасли законодательства и все сферы правоприменения. Что же касается конституционно-текстовой материализации данных категорий, то здесь особое значение имеют Преамбула, а также главы 1 и 2 Конституции. Соответствующие структурные части Конституции – это, своего рода, нормативно-правовой генератор конституционного духа, с

⁵ Дмитриев Ю.А. Указ. соч. С. 45.

помощью которого становится возможным проникать в глубинное содержание всех других статей Конституции, обнаруживать их сакральные свойства. Особый, метаюридический характер соответствующих положений подчеркивается, в частности, и тем обстоятельством, что никакие другие положения Конституции не могут противоречить основам конституционного строя (ч.2 ст. 16 Конституции), а положения главы 2, как и главы 1, не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием (ч.1 ст.135) и, стало быть, их изменение невозможно иначе, кроме как путем принятия новой Конституции. И это не случайно: законодателю подвластен текст, буква Конституции, но не ее дух.

Но является ли дух конституции неизменным? Будучи метаюридическим выражением социокультурных начал Конституции, он подвержен динамизму вместе с развитием общества и государства, с изменением геополитических условий функционирования национальной конституционной системы. Более того, с развитием духа Конституции в наибольшей степени связана оценка данного правового акта на его соответствие социальной действительности.

Соответственно и ответ на вопрос о том, по какой Конституции живут сегодня россияне – прошлого, XX в., или же по современной Конституции XXI в. – лежит не в формально-юридической плоскости, а главным образом в русле *философско-мировоззренческого понимания Конституции как живого организма*, основанного на сочетании формально-юридических и социокультурных, нравственно-этических, национально-исторических начал. С точки зрения философии конституционализма это имеет своей основой заложенную в самой Конституции методологию мировоззренческого плюрализма как важнейшего (конституционно значимого) принципа нормативно-правовой системы организации и функционирования демократической государственности, предполагающего сочетание естественно-правового и позитивистского типов правопонимания, соответственно – гармонизацию буквы и духа Конституции. Разумеется, такое сочетание достигается в рамках установленной Конституцией системы нормативно-правового регулирования, но это вовсе не означает, как иногда полагают, придание Конституции чисто позитивистского характера⁶, она включает в себя и иные, естественно-правовые конструкции. Достаточно отметить, что она, с одной стороны, последовательно реализуя идеи естественно-правовой теории, закрепляет положения о человеке, его правах и свободах как высшей ценности (ст.2), признает последние неотчуждаемыми и принадлежащи-

ми каждому от рождения (ч. 2 ст.17); с другой стороны, из самой Конституции вытекает необходимость реализации федеральным законодателем полномочий по государственно-правовому утверждению, регламентации прав человека (п. «в» ст.71), имея при этом в виду, что права и свободы определяют смысл, содержание и применение законов (ст.18), то есть, содержащиеся в правах и свободах естественно-правовые начала должны объективироваться в позитивных законах, получать реализацию в правоприменительной деятельности. Этим предопределяется методологический потенциал Основного закона для распространения его нормативной энергии (содержащейся, прежде всего, в конституционных ценностях, принципах, основах) на всю систему действующего законодательства, как и на правоприменительную практику и обеспечение на этой основе их конституционализации⁷.

Особая, во многом уникальная роль принадлежит в этих процессах конституционному правосудию, деятельность которого обеспечивает не только охрану Конституции и, соответственно, адекватность конституционно-правового регулирования сложившимся отношениям, но служит также важным инструментом социокультурного преобразования Конституции и всей системы российского конституционализма.

3. Конституционное правосудие как инструмент социокультурной модернизации Конституции, генератор «живого» конституционализма.

Реализованная в России модель сильной конституционной юстиции является залогом активного влияния Конституционного Суда РФ не только на систему действующего законодательства (имея в виду его нормоконтрольные полномочия по обеспечению соответствия нормативных правовых актов Конституции), но и на саму Конституцию, на развитие всей системы российского конституционализма.

Характерно, что при всем многообразии мнений на предмет внесения тех или иных изменений в текст Конституции РФ вплоть до принятия нового Основного закона, всех их объединяет одно: отрицание или, в лучшем случае, молчаливое игнорирование возможности активного влияния Конституционного Суда на Конституцию, на ее модернизационное развитие. Между тем возможность такого влияния – одна из фундаментальных особенностей кельзеновской (континентальной) модели конституционного правосудия, что существен-

⁶ Марченко М.Н. Конституция постсоветской России: проблемы теории и методологии познания // Государство и право. 2013. № 12. С. 32.

⁷ См.: Хабриева Т.Я. Этапы и основные направления конституционализации современного российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 6(36). – С. 25–30; Хабриева Т.Я. Стабильность, модернизация законодательства и задачи юридической науки // Закон: стабильность и динамика. М., 2007.

ным образом влияет на развитие, преобразовательные процессы всей конституционной системы соответствующих стран, включая Россию.

В связи с этим следует обратить внимание на то обстоятельство, что модернизационное развитие Конституции не может сводиться только к внесению в нее текстовых изменений. Модернизация (фр. – *moderniser*), как известно, представляет собой процесс изменения того или иного явления (объекта) соответственно требованиям современности, когда вводятся различные усовершенствования⁸. Соответственно, когда речь идет о модернизации Конституции, то предполагается постепенное преобразование Конституции под влиянием «требований современности», общественного развития. Фактическая конституция как выражение соотношения социальных сил с точки зрения реальных (а не формально-юридических) характеристик суверенитета, власти, собственности, свободы в обществе, развиваясь, постоянно изменяется при неизменном тексте юридической конституции. Конституционный Суд РФ же при разрешении конкретных споров или в рамках толкования Конституции (официального либо казуального) выявляет такие изменения (далеко не всегда лежащие на поверхности социально-политической действительности) и фиксирует преобразованную реальными процессами общественного развития «социальную нормативность», влияющую, в свою очередь, и на правовую нормативность, т.е. на материальное содержание соответствующего положения Конституции⁹.

В этом и заключается преобразовательная функция конституционного правосудия, подмеченная еще Н.И. Лазаревским, который считал, что «судебный контроль изменяет самый характер Конституции»¹⁰. Созвучные идеи находим у Г. Еллинека, который писал по этому поводу: «Что для данного времени является противным государственным установлениям, то в следующую эпоху представится согласным с государственными установлениями; таким путем конституция преобразуется по мере того, как изменяется ее интерпретация. И не только законодатель может вызвать такое преобразование; практика... судебных учреждений может это сделать и,

действительно, делает»¹¹. В этом плане примечательной является оценка деятельности Конституционного Суда РФ, высказанная В.В. Лазаревым, как носящая ярко выраженный «инновационный характер»¹², с помощью которой обеспечивается инновационное развитие не только собственно тех областей правового регулирования, которые попадают в предметную сферу конституционно-судебного контроля, но и самих по себе конституционных норм и институтов, принципов, целей.

Такое значение конституционного правосудия получает все более широкое, международное признание. Это и понятно: «Конституция, – указывается в Генеральном докладе XIV Конгресса Конференции европейских конституционных судов (Вильнюс, 3–6 июня 2008 г.), – без органа конституционного контроля, обладающего полномочиями констатировать противоречие обычных правовых актов конституции, есть *lex imperfecta*. Конституция становится *lex perfecta* только тогда, когда конституционный суд может признавать обычные законы противоречащими конституции... Только активная позиция конституционного суда обеспечивает реальную, а не предполагаемую имплементацию принципа верховенства конституции... Роль конституционного суда при обеспечении принципа верховенства конституции является основополагающей. Через конституционный контроль конституция, как правовой акт, превращается в «живое» право»¹³. Добавим – только через конституционный контроль конституционализм превращается в «живой» конституционализм.

Сторонники же обновления самого по себе текста Конституции 1993 г., обосновывая ее несоответствие новым, сегодняшним условиям развития общества и государства, порой создается впечатление, «не замечают» достаточно конкретных решений Конституционного Суда, без которых просто недопустимо оценивать те ли иные «пробелы», «коллизии» или иные «недостатки» текста Конституции.

Так, достаточно широкое распространение получила точка зрения, обосновывающая необходимость – в целях преодоления «неполноты», «пробельности» конституционного регулирования – включения в текст Конституции новых, дополнительных глав, посвящен-

⁸ См.: Современный словарь иностранных слов. 3-е изд. М.: Русский язык, 2000. С. 388.

⁹ См. об этом, напр.: Эбзеев Б.С. Толкование Конституции Конституционным Судом Российской Федерации: теоретические и практические проблемы // Государство и право. 1998. № 5. С. 9–12; Митюков М.А. О преобразовании Конституции Российской Федерации // Конституционное развитие России: Межвуз. сб. науч. статей. Вып. 4. Саратов, 2003. С.30–39; Он же. Преобразование – оптимальный вариант развития Конституции Российской Федерации // Конституция как символ эпохи / Под ред. С.А. Авакьяна. М., 2004. Т. 1. С. 20–30.

¹⁰ Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1910. Т. 1. С. 435.

¹¹ Еллинек Г. Конституции, их изменения и преобразования / Под ред. и со вступ. ст. Б.А. Кистяковского. СПб., 1907. С. 12–13).

¹² См.: Лазарев В.В. Инновационная деятельность Конституционного Суда Российской Федерации как разновидность практики конституционализма // Судья. 2013. № 12. Декабрь. – С. 33–38.

¹³ См.: Генеральный доклад XIV Конгресса Конференции европейских конституционных судов (Вильнюс, 3–6 июня 2008 года) // Конституционное правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Ереван, 2008. Вып. 2–3. С. 110–111.

ных избирательной системе, гражданскому обществу, парламентскому контролю¹⁴. Неоднократно высказывались также суждения относительно дефектности отдельных положений Конституции в части, касающейся разделения властей, федерализма, местного самоуправления и др.¹⁵

Между тем, даже беглый анализ практики конституционного правосудия свидетельствует о том, что возможности для усиления социального и правового эффекта действия существующих конституционных норм и институтов и Основного закона в целом вполне могут быть найдены на основе стабильности текста действующей Конституции с учетом последовательной реализации ее потенциала в духе сформулированных Конституционным Судом правовых позиций. Это касается, например, институционализации гражданского общества, имея в виду, в частности, выведенную Конституционным Судом из конституционного принципа демократического правового государства обязанность публичной власти обеспечивать, с одной стороны, развитие необходимых для становления гражданского общества начал самоуправления и автономии, поддержку гражданской активности в данной сфере¹⁶, а с другой – эффективные возможности контроля гражданского общества за деятельностью государства в лице его органов, включая финансовую деятельность¹⁷.

В целом ряде решений Конституционного Суда содержатся выявленные им сущностные характеристики избирательной системы, принципы ее устройства и функционирования. Так, еще в Постановлении от 22 января 2002 г. № 2-П Конституционный Суд РФ указал на то, что в специальной конституционной норме о порядке выборов Президента РФ, которые проводятся на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании (ч. 1 ст. 81), выражены – по смыслу ст. 1, 2, 3, 17, 19, 60 и 81 Конституции РФ – общие принципы, лежащие в основе реализации конституционного права гражданина избирать и быть избранным на подлинных свободных выборах; соответственно, и образуемые в Российской Федерации путем свободных выборов органы народного представительства должны формироваться на основе всеобщего

равного и прямого избирательного права при тайном голосовании¹⁸. В Постановлении от 22 апреля 2013 г. № 22-П Конституционный Суд сформулировал важнейший вывод, согласно которому конституционное значение активного избирательного права не исчерпывается обеспечением лишь самого по себе свободного участия в голосовании на выборах – им предопределяются и последующие отношения, связанные прежде всего с подсчетом голосов избирателей и установлением итогов голосования на том избирательном участке, на котором гражданин принимал участие в выборах в качестве избирателя¹⁹.

Конституционный Суд также неоднократно обращался к различным аспектам реализации парламентского контроля²⁰. Не менее актуальны решения Конституционного Суда РФ, направленные на защиту традиционных ценностей российского общества, что особенно важно в свете сегодняшних неолиберальных устремлений конституировать в качестве универсальных новые, нехарактерные для классического конституционализма ценностные ориентиры. Конституционный Суд на этот счет однозначно констатировал: семья, материнство и детство именно в их традиционном, воспринятом от предков понимании представляют собой те ценности, которые обеспечивают непрерывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа Российской Федерации, а потому нуждаются в особой защите со стороны государства²¹.

Рассмотрение этих и иных многочисленных конкретных правовых позиций Конституционного Суда РФ, которые, «оживляя» действующий Основной закон, создают реальные политико-правовые гарантии его стабильности посредством интерпретационно-преобразовательного воздействия на Конституцию, отдельные ее нормы и институты, позволяет говорить – и в этом нет преувеличения – о том, что по состоянию на сегодняшний день практически всю Конституцию, все основные ее институты обволакивает нормативно-доктринальная материя решений Конституционного Суда РФ.

¹⁴ См.: Потенциал развития Конституции: пути конституционной модернизации Российской Федерации. М.: Фонд конституционных реформ, 2013.

¹⁵ См., напр.: Авакьян С.А. Нужна ли конституционная реформа в России? // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 9.

¹⁶ Постановление КС РФ от 19 декабря 2005 г. № 12-П // СЗ РФ. 2006. № 3. Ст.335.

¹⁷ Постановление КС РФ от 17 июня 2004 г. № 12-П // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2803.

¹⁸ Постановление КС РФ от 22 января 2002 г. № 2-П // СЗ РФ. 2002. № 6. Ст. 627.

¹⁹ Постановление КС РФ от 22 апреля 2013 г. № 8-П // СЗ РФ. 2013. № 18. Ст. 2292.

²⁰ Постановления КС РФ: от 1 декабря 1997 г. № 18-П // СЗ РФ. 1997. № 50. Ст. 5711; от 1 февраля 1996 г. № 3-П // СЗ РФ. 1996. № 7. Ст. 700; от 10 декабря 1997 г. № 19-П // СЗ РФ. 1997. № 51. Ст. 5877; от 18 января 1996 г. № 2-П // СЗ РФ. 1996. № 4. Ст. 409; от 23 апреля 2004 г. № 9-П // СЗ РФ. 2004. № 19 (Ч. 2). Ст. 1923.

²¹ См.: Определение КС РФ от 19 января 2010 г. № 151-О-О // Архив КС РФ. 2010.

Конституционно-судебный нормоконтроль является в этом плане одной из форм государственно-властного (конституционного) воздействия на те находящиеся в сфере конституционного воздействия общественные отношения, которые прямо соотносятся с наиболее важными вопросами организации социально-политической, экономической, социально-культурной, духовно-нравственной жизни общества. В связи с этим в рамках осуществляемой им деятельности для Конституционного Суда РФ становятся доступными сакральные, метаюридические пласты духа Конституции, содержащие высокий уровень концентрации политических, нравственно-этических, социокультурных истоков динамизма Основного закона, что достигается в силу особой юридической природы органа конституционно-судебного нормоконтроля и его решений.

Во-первых, будучи, безусловно, органом судебной власти, в то же время Конституционный Суд РФ – «*больше, чем суд*». Природа его деятельности не исчерпывается правоприменением, а в своих итогово-правовых характеристиках все более сближается с нормативно-установительной юридической практикой, с правотворчеством.

Во-вторых, специфика «квазиправотворческой», динамически-интерпретационной деятельности Конституционного Суда РФ такова, что его решения, обладая нормативно-доктринальной природой, имеют предметом своего влияния и одновременно – формой политико-правового бытия, прежде всего, нормативные величины наиболее высокого, абстрактного уровня – общие принципы права, конституционные принципы, декларации, конституционные презумпции, статусно-категориальные характеристики субъектов конституционного права и конституционных явлений и т.п. В результате происходит *приращение и актуализация нормативного содержания отправных для правовой системы величин*, обеспечивается преобразование всей системы национального конституционализма.

Что же касается условий (предпосылок) социокультурной модернизации Конституции с помощью средств конституционного нормоконтроля, то в обобщенном плане это предполагает: а) учет органом конституционного правосудия социокультурных факторов национального развития, что ярко проявилось, например, при решении вопросов о конституционности создания религиозных²², региональных²³ политических партий; б) историческое толкование конституционных норм, учет конкретно-исторических условий современного развития национальной государственности (без этого не-

возможной была бы, в частности, всесторонняя оценка института главы (руководителя) субъекта Российской Федерации на различных этапах его развития²⁴); в) систематическое толкование, основанное на восприятии Конституции как единого, целостного документа, не имеющего пробельности и внутренней противоречивости; г) учет как универсальных ценностей современного конституционализма, так и всей системы общепризнанных принципов и норм международного права, что напрямую вытекает из ч. 4 ст.15 Конституции РФ; д) телеологическое толкование, анализ целей, на достижение которых была сориентирована Конституция и отдельные ее положения отцами-создателями этого акта.

Таким образом, посредством конституционного правосудия сам по себе российский конституционализм и его центральный нормативно-правовой элемент в виде Конституции актуализируются с учетом изменяющихся конкретно-исторических условий своего развития, благодаря чему существующее (система реальных отношений) и должное (юридическая конституция) сближаются, превращаясь в «живой» конституционализм. На этой основе становится возможным формирование нового, во многом уникального политико-правового явления конституционной государственности – *судебного конституционализма*²⁵. Исходные начала концепции судебного конституционализма проистекают из сущностных характеристик Конституции, с одной стороны, и конституционного назначения судебной власти (в особенности, конституционного правосудия), с другой.

Практика конституционного правосудия объективирует и формально-юридическую природу, и социальную сущность Конституции как правового акта высшей юридической силы и прямого действия, выступающего порождением, отражением и универсальным средством разрешения социальных противоречий. В этом плане как раз и становится возможным рассматривать образование Конституционного Суда РФ в качестве одной из важнейших предпосылок утверждения в России реального, «живого», а не декларативного конституционализма.

Исходя из этого, для понимания судебного конституционализма и роли конституционного правосудия в его становлении и развитии одинаково важно учитывать, по крайней мере, несколько моментов.

Во-первых, решения Конституционный Суд, обладая специфической природой (особые виды актов нор-

²² См.: Постановление КС РФ от 15 декабря 2004 года № 18-П // СЗ РФ. 2004. № 51. Ст.5260.

²³ См.: Постановление КС РФ от 1 февраля 2005 года № 1-П // СЗ РФ. 2005. № 6. Ст.491.

²⁴ См., Постановления КС РФ: от 18 января 1996 года № 2-П // СЗ РФ. 1996. № 4. Ст.409; от 21 декабря 2005 года № 13-П // СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 336; от 24 декабря 2012 года № 32-П // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч.2). Ст.8062.

²⁵ Подробнее см.: Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011.

моустановительного характера), являются нормативной правовой основой формирования судебного конституционализма и, соответственно, всей системы российского конституционализма в целом. В этом проявляется их природа и назначение как нормативно-правового компонента судебного конституционализма.

Во-вторых, конституционное правосудие и его решения – один из важных источников развития современной конституционной доктрины, модернизации российской государственности (доктринальный компонент судебного конституционализма, что вытекает из нормативно-доктринальных характеристик решений Конституционного Суда).

В-третьих, Конституционный Суд РФ – генератор конституционной идеологии, творец новой конституционной культуры, конституционного мировоззрения личности и общества (идеологический компонент судебного конституционализма).

В-четвертых, судебный конституционализм есть материализация конституционно-судебной практики, реального воплощения в жизнь требований верховенства Конституции, ее прямого действия, материализация конституционных ценностей в обществе и государстве (материальный компонент судебного конституционализма).

Судебный конституционализм способствует утверждению и поддержанию конституционного правопорядка как высшего юридического выражения правовой демократической государственности, что обеспечивается путем придания ей качеств фактиче-

ской (практико-прикладной) ценности, проникающей как в публично-властную деятельность, так и в процессы реализации прав и свобод человека и гражданина, во всю систему конституционного правопользования. С этих позиций *судебный конституционализм может быть представлен как политико-правовой режим судебного обеспечения верховенства права и прямого действия Конституции*, безусловного судебного-правового гарантирования конституционных ценностей на основе баланса власти и свободы, частных и публичных интересов, единства социокультурных и нормативных правовых факторов конституционализации экономического, социального, политического развития России как демократического правового государства.

Таким образом, *конституционное правосудие является решающим гарантом «преобразовательно-динамической» стабильности Конституции России* и закреплённых в ней основополагающих принципов, высших ценностей личности, общества, государства. При этом практика конституционного правосудия обеспечивает неразрывное единство формально-юридических и социальных начал сущности Конституции, а *Конституционный Суд становится гарантом непротиворечивого соотношения фактической и юридической конституции*, на основе чего и становится возможным сочетание ее стабильности и динамизма, достижение гармонии между Буквой и Духом Конституции, раскрытие ее внутреннего потенциала в изменяющихся условиях. В этом – залог того, что Основным законом нашей жизни является Конституция не прошлого, а нынешнего, XXI века.

Библиографический список:

1. Арутюнян Г.А. Роль конституционной диагностики в обеспечении устойчивости общественного развития // Конституционное правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2010. Вып. 4.
2. Авакьян С.А. Нужна ли конституционная реформа в России? // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 9.
3. Авакьян С.А. Проекты законов о поправках к Конституции Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 2.
4. Боброва Н.А. 20 лет и 20 недостатков Конституции России // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 3.
5. Бутусова Н.В. О модернизации российской Конституции (цели, задачи, пути осуществления) // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 1.
6. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011.
7. Генеральный доклад XIV Конгресса Конференции европейских конституционных судов (Вильнюс, 3–6 июня 2008 года) // Конституционное правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Ереван, 2008. Вып. 2–3.
8. Дмитриев Ю.А. Можно ли повысить демократический потенциал действующей Конституции Российской Федерации? // Государство и право. 2013. № 12.
9. Еллинек Г. Конституции, их изменения и преобразования / Под ред. и со вступ. ст. Б.А. Кистяковского. СПб., 1907.
10. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1910. Т. 1.
11. Лазарев В.В. Инновационная деятельность Конституционного Суда Российской Федерации как разновидность практики конституционализма // Судья. 2013. № Декабрь.

12. Марченко М.Н. Конституция постсоветской России: проблемы теории и методологии познания // Государство и право. 2013. № 12.
13. Митюков М.А. О преобразовании Конституции Российской Федерации // Конституционное развитие России: Межвуз. сб. науч. статей. Вып. 4. Саратов, 2003.
14. Митюков М.А. Преобразование-оптимальный вариант развития Конституции Российской Федерации // Конституция как символ эпохи / Под ред. С.А. Авакьяна. М., 2004. Т. 1.
15. Потенциал развития Конституции: пути конституционной модернизации Российской Федерации. М.: Фонд конституционных реформ, 2013.
16. Троицкая А.А. Круглый стол «20 лет Конституции РФ: вопросы эффективности и перспективного реформирования» // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 7.
17. Хабриева Т.Я. Этапы и основные направления конституционализации современного российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 6(36).
18. Хабриева Т.Я. Стабильность, модернизация законодательства и задачи юридической науки // Закон: стабильность и динамика. М., 2007.
19. Эбзеев Б.С. Толкование Конституции Конституционным Судом Российской Федерации: теоретические и практические проблемы // Государство и право. 1998. № 5.

References (Transliteration):

1. Arutyunyan G.A. Rol' konstitutsionnoi diagnostiki v obespechenii ustoichivosti obshchestvennogo razvitiya // Konstitutsionnoe pravosudie. Vestnik Konferentsii organov konstitutsionnogo kontrolya stran molodoi demokratii. 2010. Vyp. 4.
2. Avak'yan S.A. Nuzhna li konstitutsionnaya reforma v Rossii? // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2012. № 9.
3. Avak'yan S.A. Proekty zakonov o popravkakh k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2013. № 2.
4. Bobrova N.A. 20 let i 20 nedostatkov Konstitutsii Rossii // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2013. № 3.
5. Butusova N.V. O modernizatsii rossiiskoi Konstitutsii (tseli, zadachi, puti osushchestvleniya) // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2013. № 1
6. Bondar' N.S. Sudebnyi konstitutsionalizm v Rossii v svete konstitutsionnogo pravosudiya. М., 2011.
7. General'nyi doklad XIV Kongressa Konferentsii evropeiskikh konstitutsionnykh sudov (Vil'nyus, 3–6 iyunya 2008 goda) // Konstitutsionnoe pravosudie. Vestnik Konferentsii organov konstitutsionnogo kontrolya stran molodoi demokratii. Erevan, 2008. Vyp. 2–3.
8. Dmitriev Yu.A. Mozhno li povysit' demokraticeskii potentsial deistvuyushchei Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii? // Gosudarstvo i pravo. 2013. № 12.
9. Ellinek G. Konstitutsii, ikh izmeneniya i preobrazovaniya / Pod red. i so vstup. st. B.A. Kistyakovskogo. SPb., 1907.
10. Lazarevskii N.I. Leksii po russkomu gosudarstvennomu pravu. SPb., 1910. Т. 1.
11. Lazarev V.V. Innovatsionnaya deyatel'nost' Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii kak raznovidnost' praktiki konstitutsionalizma // Sud'ya. 2013. № Dekabr'.
12. Marchenko M.N. Konstitutsiya postsovetsoi Rossii: problemy teorii i metodologii poznaniya // Gosudarstvo i pravo. 2013. № 12.
13. Mityukov M.A. O preobrazovanii Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii // Konstitutsionnoe razvitie Rossii: Mezhvuz. sb. nauch. statei. Vyp. 4. Saratov, 2003.
14. Mityukov M.A. Preobrazovanie-optimal'nyi variant razvitiya Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii // Konstitutsiya kak simvol epokhi / Pod red. S.A. Avak'yana. М., 2004. Т. 1.
15. Potentsial razvitiya Konstitutsii: puti konstitutsionnoi modernizatsii Rossiiskoi Federatsii. М.: Fond konstitutsionnykh reform, 2013.
16. Troitskaya A.A. Kruglyi stol «20 let Konstitutsii RF: voprosy effektivnosti i perspektivnogo reformirovaniya» // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2013. № 7.
17. Khabrieva T.Ya. Etapy i osnovnye napravleniya konstitutsionalizatsii sovremennogo rossiiskogo zakonodatel'stva // Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya. 2013. № 6(36).
18. Khabrieva T.Ya. Stabil'nost', modernizatsiya zakonodatel'stva i zadachi yuridicheskoi nauki // Zakon: stabil'nost' i dinamika. М., 2007.
19. Ebzееv B.S. Tolkovanie Konstitutsii Konstitutsionnym Sudom Rossiiskoi Federatsii: teoreticheskie i prakticheskie problemy // Gosudarstvo i pravo. 1998. № 5.